

Про Илью Муромца (5)

Как во стольном городе во Киеве,
Да у ласкового князя да у Владимира
Были двенадцать людей — полениц приудалых.
Берегли и стерегли стольний Киев-град,
Стояли за веру Христовую,
За крещеную веру благословленную.
Стерегли, берегли они Киев-град,
Стояли тридцать лет и три года,
А за старшого-то был старой казак Илья Муромец.
Выходил он на красно крыльцо
И смотрел во все четыре стороны окатисты:
«Не ездит ли кто у нас во чистом поле?»
Он увидел — во чистом поле ездит невежа непохожая
И побрасывает копье высоко под верх,
И копье воротит всё на Киев-град.
И небылыма-то словами выражается,
И нехорошима словами похваляется:
«Разорит мое копье сегодня Киев-град!»
И заскакивал Илья в шатер да белобархатной:
«Давай, робятушка, — довольно спать,
Время ставать да время завтракать!
А кого же нам послать в чисто поле попроведати?..
Ежели послать мне-ка Алешеньку Поповича —
Тот силой да не силен, а напуском смел,
Погубит свою голову да не за денежку!
Нам послать, послать надо Добрынюшку Никитича.
У того вежь не ученая, а спорожбная:
Он сумеет сойтись-съехаться,
И честь воздать, и поклон отдать,
И спросить у добра молодца —
И кто такой, и куда вы едете!»
Сряжалсе Добрынюшка Никитич скоро-наскоро,
Выходил он на конюшен двор,
Выбирал себе коня доброго.
И не видели у молодца поездочки,

Только видели — Добрынюшка на коня скакал.
И не две-то тученьки скаталосе,
И не два удалых добрых молодца съезжалисье.
Добрынюшка Никитич во правой руки черну шляпочку несет,
А во левой руки добра коня ведет:
«Ты гой еси, удалой доброй молодец,
И какой же ты земли, какой матери?» —
«Я от той-то горки от чистойей,
И от того морюшка Холодного,
И от той поляницы приудалоей,
А отца своего я не сведаю.
А вы кто такой будете?» —
«А я Добрынюшка Никитинич,
И живу у ласкова князя у Владимира,
И живу я — стерегу стольной Киев-град,
И приехал вас попроведати!» —
«А вы в чистом поле мне не надобны.
У вас есть в стольном городе во Киеве
Еще старой казак Илья Муромец.
Мне-ка требуется он да во чисто поле!»
Воротилсе Добрыня Никитич в стольной Киев-град,
Заскакивал в шатер да белобархатной
И стару казаку Илею Муромцу ответ держит:
«Во чистом поле я не надобен —
Надобен в чистом поле старой казак Илья Муромец!»
У Ильи стара казака у Муромца
Сердце-то было богатырское,
Загорело ретивó сердцб,
Закипела горячáя кровь,
Могучи плеча зашаталисе.
Выходил старой казак да Илья Муромец,
Выходил на конюшен двор,
Еще брал он себе коня доброго
И подстегивал двенадцать подпружечек шелковых,
А тринадцатую-ту подпружинку через конину чепь,
Не для ради красы — ради крепости,
Чтоб не оставил конь во чистом поле.
И не видели у молодца поездочки,
Только видели — Илья на коня скочил,

И видели — в чистом поле курева стоит,
Курева стоит — да дым столбом валит.
И не две-то тученьки скаталосе,
И не два удалых добрых молодца съезжалосе,
И не спрашивают отечества-молодечества.
Копьем первый раз ударил — копья свернулись по насадочкам,
Мечом-кладенцом бросались — мечи раскололися,
Палкой боевой бросались — палки преломилися.
Схватились они плотным плечом да рукопашкою,
И бились-боролись они трое суток,
Вбились они по колен в землю.
У стара-то казака да Ильи Муромца
Правá-то нога да приокóльзила,
А левá-то нога да приосéльзила,
Пал старой казак да Илья Муромец,
Пал он да на сыру землю.
Тут соскакивал Сокольничек-разбойничек на его белы́ груди,
И расстегивал латы он булатные,
И хотел он пороть груди белые,
И хочет смотреть ретивó сердцó.
И змолился старой казак да Илья Муромец:
«Уж ты Господи! Стоял я тридцать лет и три года,
Берег и хранил стольный Киев-град,
Стоял за веру Христовую,
За крещеную веру за благословленную,
И выдал меня Бог в чистом поле Сокольничку,
Что Сокольничку-разбойничку!»
У стара казака Ильи Муромца
Прибыло тут силы много множество.
Выбрасывал Илья Муромец Сокольничка
Высоко со белых грудей подверх,
И выбрасывал, на него заскакивал,
И расстегивал латы булатные,
И хочет пороть белы груди.
И увидел старой казак Илья Муромец
На белой груди чуден крест:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
И какой ты земли, какой матери?» —
«А я был у тебя на белых грудях —

Не спрашивал бы я ни отечества, ни молодечества,
А расстегивал бы латы булатные,
И порол бы белы груди,
И смотрел бы я ретиво сердце!»

Во второй раз старой казак Илья Муромец выпрашивал:

«Уж ты ой еси, удалый добрый молодец,
Ты какой же земли да какой матери?» —
«Я бы был у тебя на белой груди —

Не спрашивал ни отечества, ни молодечества,
А расстегивал латы булатные,
И порол бы груди белые,
И смотрел бы ретиво сердце!»

Третий раз старой казак Илья Муромец выпрашивал:

«Опомнися, удалый добрый молодец,
Ты какой земли да какой матери?» —

«От того я моричка Холодного,
И от той я горки от чистой,
И от той поляницы приудалой,
А отца своего я не сведаю!» —

«Поезжай ты домой: я — отец тебе!

В чистом поле стару казаку да Илье Муромцу смерть не писана».

Поехал Сокольник-разбойник во чисто поле,

А старой казак Илья Муромец — в стольный Киев-град.

Едет Сокольник-разбойник ко своей да милой мамушке.

Тут выходит его мамушка на красно крыльцо:

Едет сын ее да не по-старому,

Не по-старому сын да не по-прежнему.

Едет он да подремливат,

С боку на бок он в седле да припокачивается.

Выходила его мамушка да спрашивала:

«Эх, ты, дитя мое сердечное,
Погубил ты, наверно, своего татушку?»

А ему это слово за беду пало,

За беду-то пало, за досадушку.

Он и взял да ткнул мати в белы груди

Копьем да мурзонецким,

И погубил он свою мамушку:

«А я теперь поверну добра коня
Да и отца-ко-се убью богатыря!»

Повернул Сокольничек добра коня
И поехал во Киев-град.
Подъезжат ко городу да ко Киеву Сокольничек-разбойничек,
Он заскакиват в шатер да белобархатный:
Спит старик Илья Муромец крепко-накрепко...
Бросил Сокольничек копьё да мурзомецкое во белы груди —
Попало копьё да во чуден крест
(А крест стара казака Ильи Муромца
Не велик, не мал — полтора пуда),
Отскакивало копьё да мурзомецкое в стену каменну.
И пока да поправлялся Сокольничек —
Пробудилсе старой казак Илья Муромец,
Пробудилсе да его схватывал.
Он вытаскивал Сокольничка на красно крыльцо
И выбрасывал высоко подверх:
«Собака дак ты, те — собачья смерть,
Погубил ты, наверно, свою мамушку!»
Пал Сокольничек на сыру землю —
И расселсе весь.
(И больше всё!)

(Зап. Н. П. Колпаковой 24 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Семена Федоровича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.